

Тенденции в замене русских номинаций лиц диминутивами

Ирина В. Фуфаева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, iriel@inbox.ru*

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются русские номинации лиц, являющиеся диминутивами, утратившими диминутивность (т. е. застывшими диминутивами), например, *жиличка, очкарик, новичок, девушка*. Такие единицы на определенном этапе начинали употребляться необычно часто и вступали в отношения конкуренции со своими производящими словами. Некоторые из этих диминутивов становились настолько востребованными, что постоянно употреблялись вместо своих коррелятов и полностью вытеснили их, ср. пару *внука – внучка*. Другие образования продолжают конкурировать с обычными коррелятами, ср. пару *дед – дедушка*. Утраченные корреляты можно выявить с помощью словарей и источников, ср. наличие лексемы *очкарь*, отсутствующей в современных словарях, включающих слово *очкарик*, в романе Бориса Горбатова «Мое поколение», впервые изданном в 1933 г.: «*И он спокойно учился, этот беззаботный очкарь...*». В замене номинаций лиц на диминутивные корреляты обнаружилось определенные тенденции: такая замена коррелирует с семантикой денотата; конкретно, рассматриваемая лексика относится к терминам родства, обозначениям детей, женщин (ср. слово *внучка*, входящее во все эти группы) и лиц с низким статусом (ср. *побирушка*). Эти семантические закономерности дают возможность восстановить исходный оттенок диминутивной экспрессии исследуемых слов.

Ключевые слова: русский язык, словообразование, деривация, номинации человека, диминутивы, уменьшительность, экспрессия

Для цитирования: Фуфаева И.В. Тенденции в замене русских номинаций лиц диминутивами // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 1. С. 91–110. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-91-110

Trends in replacing Russian nominations of persons with diminutives

Irina V. Fufaeva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
iriel@inbox.ru*

Abstract. This article discusses the Russian nominations of persons that are diminutives that have lost their diminutiveness, for example, tenant, bespectacled, beginner, girl. Some of these units at different times supplanted their usual correlates, cf. “*I on spokojno uchilsya, etot bezzabotnyj ochkar’...*” (“And he calmly studied, this carefree bespectacled...”), Boris Gorbатов, “My Generation” 1933. Lost correlates can be identified with the help of dictionaries and sources. The other part continues to compete with them, cf. a competing grandfather-grandfather pair. In the replacement of nominations of persons by diminutive correlates, certain tendencies can be identified: such a replacement correlates with a certain semantics of denotation. Specifically, the vocabulary under consideration refers to terms of kinship, designations of children, women (cf. the word granddaughter, which is included in all these groups), persons with a reduced status for one reason or another (cf. beggar). For the terms of kinship, designations of children and women, one can assume endearment, including, perhaps, etiquette, as a shade of expression (connotation) that is lost now, but inherent in them in the past. For the designations of persons with reduced status, one can assume an initial condescension and disdain.

Keywords: Russian language, word formation, derivation, human nominations, diminutives, diminutive, expression

For citation: Fufaeva, I.V. (2022), “Trends in replacing Russian nominations of persons with diminutives”, *RSHU/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, part 1, pp. 91–110, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-91-110

Введение

В русском языке немало нейтральных существительных, внешне напоминающих диминутивы, см., например, *внушка, ласточка*. В современном русском языке у этих слов нет производящих слов. Как показано нами [Фуфаева 2020], утрата производящего слова характерна для экспрессивных диминутивов, выражающих не размерность, а эмоциональное отношение, так как они конкурируют с производящими словами, имея общий денотат, и иногда вытесняют

их. Также экспрессивные диминутивы могут переставать восприниматься диминутивами за счет стирания экспрессии из-за частого употребления, даже если не утрачивают полностью производящие слова, ср. *девушка*.

Таким образом, лексемы, напоминающие диминутивы и не имеющие производящих слов (обычных коррелятов), с большой вероятностью являлись в прошлом экспрессивными диминутивами. На происхождение этих образований может пролить свет разыскание их производящих слов.

Среди слов, которые в прошлом являлись экспрессивными диминутивами, есть и обозначения лиц, то есть людей. Еще во второй половине XVIII в. А.А. Барсов упоминает слово *девка* как «бывшее умалительное» среди других таких же, «почитаемых первообразными» (непроизводными): *щенок, лавка, булавка, крыльцо* [Барсов 1981].

Массив обозначений лиц, которые в прошлом были экспрессивными диминутивами, хранит информацию о том, какие группы наиболее часто вызывали эмоциональное отношение и какое именно. Для ее извлечения требуется выявить эти образования и восстановить их стершиеся коннотации.

Вытесненные корреляты бывших экспрессивных диминутивов – обозначений лиц можно обнаружить в старых словарях или современных словарях русского языка прошлых периодов, в художественных и документальных источниках с теми же значениями:

«ВНУ́КА и ВНУ́ЧКА, и, ж. Дочь сына или дочери» (Словарь XVIII в. 1984–2011);

«внука, внучка, внученька ж.» (Даль 1981–1982), статья «Внук»;

«ВНУКА, внуки, ·жен. (устар., офиц.). То же, что внучка» (Ушаков 1935).

В романе И.И. Лажечникова «Ледяной дом» (начало XIX в.) читаем: «Наконец вышла старшая **внука** и извинилась, что к бабушке нельзя...»¹.

Наличие у лексемы *внука* исчезнувшего коррелята *внука* подтверждает исходную диминутивность современной единицы и свидетельствует, что производящее слово конкурировало с диминутивом еще в конце XVIII – начале XIX в. и было вытеснено им. Учитывая, что именно экспрессивные диминутивы обозначают те же денотаты, что и нейтральные существительные, и могут заменять их в речи, ср. *кот – котик*, можно сделать вывод, что *внука* исходно экспрессивный диминутив.

¹ Лажечников И.И. Ледяной дом. Минск: Народная асвета, 1985.

В ряде случаев поиск производящего слова не требуется, так как оно не утрачено, и пары с общим денотатом, представленным тем или иным классом людей, продолжают конкурировать, ср. *дед* – *дедушка*, или вытесненное слово используется для выражения специфических коннотаций, ср. *дева* – *девушка*.

Успешная конкуренция диминутива с нейтральной формой начинается в устной речи, поскольку именно для этой сферы диминутивы наиболее органичны. Последней сферой, завоевание которой означает окончательную победу диминутива, являются формальные подъязыки: канцелярский, научный, юридический и пр. Поэтому об успешной конкуренции свидетельствует уже сопоставимое число вхождений диминутива в устном подкорпусе (при условии аналогичных контекстов), даже если в основном Корпусе вхождений диминутива существенно меньше.

Коэволюция пары или ряда, включающего экспрессивный диминутив и обычный коррелят, может быть простой и сложной.

Коэволюция пары «диминутив – обычный коррелят»

Одним из примеров простой коэволюции является коэволюция пары *жилица* – *жиличка*, когда диминутив постепенно вытесняет или оттесняет обычный коррелят, параллельно утрачивая уменьшительность.

В словаре русского языка XI–XVII вв. лексема *жиличка* отсутствует, *жилица* зафиксировано в значениях ‘жительница, постоялица’: «Жилица, *ж. женск. к жилецъ* (в знач. 1). Выручили есмь... посадскую жилицу Анну Кузмину дочи да сына ее <в изд.: еи> Ивана: жити имъ за нашею порукою на Тихвинскомъ посадѣ АЮ², 316. 1637 г.» (цит. по: Словарь XI–XVII вв.). Словарь русского языка XVIII в. отражает такую же ситуацию.

Безусловно, еще до первой письменной фиксации диминутив *жиличка* уже должен был образоваться от лексемы *жилица* и употребляться в устной речи для выражения ласкательности, вежливости. Письменная фиксация в 1842 г. в речи художественного персонажа произведения, входящего в Национальный корпус русского языка (НКРЯ), свидетельствует о росте частотности единицы:

«Слышь, с верхней нашей жиличкой, Прасковьей Михайловной...»³.

² АЮ – Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. Изд. Археограф. комис. СПб., 1838. 1425–1705 гг.

³ И.А. Гончаров. Иван Савич Поджабрин (1842), найдено по НКРЯ.

В вышедшем вскоре Словаре церковно-славянского и русского языка Имп. Академии наук (том I) слово толкуется как «уменьшительное слова жилища» (с теми же значениями) (Словарь Имп. АН 1847).

В словаре Даля, отразившем общерусскую и региональную лексику середины XIX в., диминутив *жиличка* приводится как синоним к слову *жилица* только в узком значении: «жилица, жиличка, работница» при том, что сама лексема *жилица* дается как женский вариант к слову *жилец*, т. е. в широком значении (Даль 1981–1982).

В словаре Ушакова *жиличка* уже помечается не как уменьшительное, а как стилистически маркированное: «ЖИЛИЦА, жилицы. Женск. к жилец. ЖИЛИЧКА, жилички, ж. (простореч.). То же, что жилища» (Ушаков 1935).

В словаре Ожегова 1985 г. оба коррелята даны в статье *жилец*, причем *жиличка* помечено как разговорное, *жилица* – нейтральное: «ЖИЛЕЦ, -льца, м. Тот, кто занимает жилое помещение по найму. Жильцы дома. Собрание жильцов. Пустить жильца (сдать свое помещение внаем). * Нежилец (разг.) – о человеке, к-рый долго не проживет. II ж. жилища, -ы и жиличка, -и (разг.)» (Ожегов 1985).

Наконец, в Малом академическом словаре *жилица* помечено как устаревшее, *жиличка* как разговорное: «жиличка <...> разг. женск. к жилец (во 2-м знач.)»; «жилица <...> устар. женск. к жилец»; «жилец <...> 2. Лицо, живущее в доме, квартире» (Евгеньева 1999).

Таким образом, налицо последовательное вытеснение диминутивом коррелята, который по мере этого процесса становится из единственно возможного одним из вариантов, при этом сначала нейтральным, а затем устаревшим. Диминутив наращивает употребительность, одновременно теряя уменьшительность.

Более быстрая динамика характерна для коэволюции трех пар обозначений женщин, заимствованных из французского языка в XVIII веке и образованных от них и быстро вытеснивших их диминутивов:

кокета (впервые в 1740-е гг. согласно данным словаря русского языка XVIII в.) – *кокетка* (впервые в 1753 г. по тем же данным; источник фр. coquette);

брюнетка (впервые в 1761 г. по тем же данным) – *брюнетка* (впервые в 1770 г. по тем же данным; источник фр. brunette);

блондина (впервые в 1768 г. по тем же данным) – *блондинка* (впервые в 1803 по тем же данным, источник фр. blondine).

Современный пример быстрой коэволюции представляет собой пара экспрессивных разговорных обозначений человека, носящего очки: *очкарь* – *очкарик*. Экспрессив *очкарь* появился, видимо,

в 1920-е годы, найден в романе «Мое поколение» Бориса Горбатова, впервые опубликованном в 1933 г.: «*И он спокойно учился, этот беззаботный очкарь...*»⁴.

Уже в 1950-е гг. вместо лексемы может употребляться диминутив *очкарик*: «*Да, бедная Кузя, очкарик*»⁵. Последнее вхождение лексемы *очкарь* в НКРЯ в 1990 г., далее слово, очевидно, полностью вытесняется.

В словаре Ожегова–Шведовой (2006) *очкарь* отсутствует, *очкарик* «Человек в очках (обычно о мужчине или мальчике)» помечено как «разг. шутл.» (Ожегов, Шведова 2006). Отсутствие помет «уменьш.» и «ласк.» свидетельствует об отсутствии восприятия слова *очкарик* как уменьшительного.

Коэволюция однокоренного ряда, включающего экспрессивный диминутив и обычный коррелят

В этом случае диминутив может обретать нейтральность, а затем вновь ее утрачивать; кроме того, конкурирующих коррелятов может быть больше двух.

Пример: однокоренной ряд *баба – бабка – бабушка*.

Исходное *баба* как нейтральный термин родства (из детского лепета) конкурировало как минимум с XVI в. с диминутивом *бабка*. Слово *бабка* впервые зафиксировано, и именно как термин родства, в 1556 г. в деловом документе, согласно Словарю русского языка XI–XVII вв. (Словарь XI–XVII вв.). Последнее употребление слова *баба* как нейтрального термина родства по лексикографическим данным в 1718 г.:

«<Иоанна IV> *баба* прежде такожде с Филиппом² о королевствъ спор имѣла» («Введение в историю европейскую чрез Самуила Пуфендорфия...», пер. с лат., 1718 [цит. по: Словарь XVIII в. 1984–2011]).

Как минимум с XVII в. *баба* и диминутив *бабка* вытеснялись параллельным диминутивом *бабушка*, зафиксированным впервые в 1658 г. в деловом документе (см.: Словарь XI–XVII вв.).

⁴ Борис Горбатов. «Мое поколение». URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-su-classics/176060-boris-gorbatov-moe-pokolenie.html> (дата обращения 28.04.2022).

⁵ А.Н. Арбузов. Годы странствий, 1954, найдено по НКРЯ.

В XVIII в. в качестве основного нейтрального термина родства, судя по текстам, употреблялся застывший диминутив *бабка*, конкурировавший с диминутивом *бабушка*.

В XIX в. основным обозначением матери родителя становится *бабушка*. Вытесненное *бабка* обретает признаки формальной единицы и в этом качестве употребляется, например, в биографиях:

*«Анна Глинская, **бабка** государя, вместе с сыном своим Михаилом, находилась в то время в ржевском своем имени»⁶.*

*«**Бабка** Артура, Рената, рожденная Сэрманс, также принадлежала к знатному семейству; после смерти мужа над ней и над ее старшим сыном, Андреем-Михаилом Шопенгауэром, была учреждена опека, так как у них обоих обнаружилось расстройство умственных способностей»⁷.*

Сейчас *бабушка* наиболее нейтральное обозначение матери родителя. Застывший диминутив *бабка* развил грубо-пренебрежительную коннотацию и часто употребляется не как термин родства, а в значении 'любая старая женщина'. *Бабушка* сейчас употребляется и в формальном языке как юридический термин, что говорит о победе в конкуренции:

*«При отсутствии ближайших наследников, в права наследства могут вступить участники второй очереди, это: ...**бабушки и дедушки** наследодателя, с обеих сторон родителей»⁸.*

Сложные процессы происходили и в других синонимических рядах, называющих родственников старших поколений и включающих диминутивы, а также в ряду со значением 'молодая незамужняя женщина', включающем застывшие диминутивы *девка*, *девица* и *девушка*. Некоторые диминутивы в этих рядах в определенный момент утратили диминутивность, стали выражать соответствующие значения нейтрально, но затем были вытеснены из роли нейтральных обозначений и снова стали экспрессивными или маркированными как-то иначе. Это термины родства *тетка*, *тетушка*, *матушка*, *батюшка*, *бабка*, *дядюшка* и два однокорен-

⁶ П.И. Ковалевский. Иоанн Грозный (1900–1910), найдено по НКРЯ.

⁷ Э.К. Ватсон. Артур Шопенгауэр. Его жизнь и научная деятельность (1891), найдено по НКРЯ.

⁸ Правоведус. URL: <http://pravovedus.ru/practical-law/civil/nasledovanie-po-zakonu/> (дата обращения 28.04.2022).

ных диминутива *девка* и *девица*. Ср. в современном русском языке *девица* как ироничное:

«Как я и предполагала, он уже давно познакомился с какой-то высокоморальной **девицей**: до свадьбы ни-ни, мурыжила его под своими окнами и требовала походов в музей»⁹.

Большинство диминутивов, сначала ставших нейтральными терминами родства, затем устаревших в этом качестве, образованы с помощью чисто ласкательного суффикса *-ушк(а)* (без ударения): *ма́тушка*, *ба́тюшка*, *дядю́шка*, *тету́шка*, ср. современные нейтральные *ба́бушка*, *де́душка*, *де́вушка*. Судя по Словарю русского языка XI–XVII вв., первое образование с этим суффиксом и значением лица впервые фиксируется в 1551 г., это слово *ма́тушка* (Словарь XI–XVII вв.). Далее, *бабка*, *тетка*, *девка* являются диминутивами с суффиксом *-к(а)*, *девица* – с суффиксом *-иц(а)*.

Формы с ласкательным суффиксом *-ушк(а)* (безударным, не путать с *-ушк(а)* ударным с другими коннотациями) могли распространиться в XVI–XVII вв. из-за потребности в выражении ласкательности, прежде всего этикетной, в обращениях к родственникам старшего поколения или свойственникам, ср. этикетное обращение *сватушка*:

«Гсдрь сватушко на твоё приятство дерзнул к тебе отписать»¹⁰.

Некоторые из ласкательных форм родства стали настолько частотными, что превратились в стандартные термины родства. Примером может служить дериват *тетушка*, во второй половине XVIII в. – первой половине XIX в. конкурировавший за позицию нейтрального термина родства с параллельным диминутивом *тетка*. Что касается их обычного коррелята *тетя* (из подражания детскому лепету, как *дядя*, *баба*, *мама*, *няня*), то он отсутствует в Словаре русского языка XVIII в., а также в НКРЯ до середины XIX в. Можно предположить, что в это время слово употреблялось только в детской речи, как сейчас *баба* ‘бабушка’.

В НКРЯ до 1800 г. количество диминутивов *тетка* и *тетушка* сопоставимо: 125 и 107 вхождений соответственно, и они могут употребляться в одном и том же тексте в совершенно одинаковых документальных контекстах:

⁹ Ольга Зуева. Скажи, что я тебе нужна... («Даша», 2004), найдено по НКРЯ.

¹⁰ Грамотки. XVII в. – начало XVIII в. (цит. по: Словарь XI–XVII вв.).

Декабря 27-го преставилась тетушка Марья Григорьевна Святогорова.

*14-го умерла Агрофена Федоровна Нечаева, наша родная тетка*¹¹.

Можно сделать вывод о полной утрате диминутивности и какой-либо маркированности обоими диминутивами в это время.

Тетя впервые встречается в поэтическом подкорпусе НКРЯ в речи персонажей – деревенских детей в стихотворении П.А. Катенина «Дура» (1835):

*«Дети любят ее и **тетей** зовут, а не дурой; / Дети одни»*¹².

В прозе впервые *тетя* встречается в письмах И.А. Гончарова в контексте, относящемся к маленьким детям:

*«Если б **тетя** уступила немного в строгости, а дядя много в баловстве, то лучше бы детей и желать нельзя»*¹³.

В словаре Даля *тетя* приводится в статье «Тетка» в ряду других экспрессивных разговорных областных синонимов к нейтральному *тетка*: «ТЕТКА, тета новг. тетушка, теточка, тетенька, тетуныка, тетуныя, **тетя**, пск. тетька, тетуся южн.» (Даль 1981–1982).

В течение XIX–XX вв. употребительность и нейтральность слова росла, и сейчас лексема как термин родства наиболее нейтральна и употребительна.

*«Мужчина позвонил своей **тете**, матери живущего у него кузена, и потребовал возместить ущерб»*¹⁴.

*«Майю воспитывала **тетя**, солистка Большого театра, именно она познакомила племянницу с балетом»*¹⁵.

В газетном подкорпусе НКРЯ за период с 2020 г. в значении термина родства количество вхождений *тетя*, *тетка* и *тетушка* соответственно 99, 5 и 0. Там же за тот же период в значении 'немо-

¹¹ Оба контекста из: Г.Г. Томилов, В.Г. Томилов. Памятная книга (1776–1863), найдено по НКРЯ.

¹² П.А. Катенин. Дура (1835), найдено по НКРЯ.

¹³ И.А. Гончаров. Письма (1842–1859), найдено по НКРЯ.

¹⁴ Мужчина решил подать в суд на родственника из-за розыгрыша (Lenta.ru, 2020.12), найдено по НКРЯ.

¹⁵ К 95-летию со дня рождения великой балерины: программы с участием Майи Плисецкой (Vesti.ru, 2020.11), найдено по НКРЯ.

лодая женщина' вхождений *тетя*, *тетка* и *тетушка* соответственно 8, 5 и 5. В последнем значении эти слова часто употребляются снисходительно, неодобрительно или насмешливо:

«Она села на скамейке, вот так, как она была одета, такой **теткой** деревенской»¹⁶.

«А мои **тетушки** тянут по 30 с лишним часов в неделю, по две ставки. У одной учительницы даже 38»¹⁷.

Таким образом, диминутивы *тетка* и *тетушка* в течение полутора столетий были снова вытеснены и сейчас употребляются в основном как экспрессивные синонимы в ряду «женщина», а не как термины родства.

Лексемы *бабка* и *тетка* долго сохранялись в юридическом подязыке как формальные термины родства, однако сейчас и в нем вытеснены словами *бабушка* и *тетя*, см. пример выше, и там же:

«Наследниками третьей очереди являются: родные и неполнородные сестры и братья родителей умершего (дяди и **тети**)».

То есть лексема *тетя*, возможно, на определенном этапе вытесненная диминутивами, далее вытеснила их и стала доминантой ряда.

Исходно ласкательные диминутивы *дядюшка* (впервые зафиксировано в XVI в. см.: [Словарь XI–XVII вв.]) и *матушка* (впервые зафиксировано в 1551 г., там же) в XVIII в. успешно конкурировали с обычными коррелятами. Отношения в парах *дядя* – *дядюшка* и *мать* – *матушка*, по-видимому, были аналогичны таковым в современной паре *дед* – *дедушка*, т. е. оба коррелята конкурировали, будучи нейтральными.

«Вчера мы своей семьей, разумеется: **матушка, дядюшка... и я, пздили в Царицыно гулять**» (цит. по: Словарь XVIII в. 1984–2011).

Если коэволюция пары *дед* – *дедушка* привела в конце XX в. к победе диминутива в качестве наиболее стандартного термина родства, то в парах *мать* – *матушка* и *дядя* – *дядюшка* победили обычные корреляты.

Конкуренция в литературном языке XVIII в. пары *отец* – *батюшка* интересна тем, что конкурирующий диминутив образован не от своего коррелята, термина родства *отец*, а от существи-

¹⁶ Родня всей России: зрители назвали лучшие роли Нонны Мордюковой (Vesti.ru, 2020.11), найдено по НКРЯ.

¹⁷ Влада Медведева. Опыт (Коммерсант, 2020.01), найдено по НКРЯ.

тельного *батя* – «простонародного», согласно Словарю Академии Российской 1789–1794 гг. (САР 1789–1794). *Батюшка* в это же время – литературная единица:

*«О сем вам, государыня, представляю, что ваш батюшка, король Флоренской Эвгер, здравствует»*¹⁸.

Батюшка впервые зафиксировано в 1619 г. (см.: Словарь XI–XVII вв.).

На эволюцию терминов родства влияет ряд факторов. С одной стороны, у говорящих есть потребность в их ласкательных вариантах, с другой – потребность в формальных, официальных вариантах. Далее у терминов родства постоянно образуются смежные значения. Примеры: ‘любая женщина средних лет’ (*тетка, тетушка*), ‘какая-то незнакомая женщина’ (*тетенька*), ‘любая женщина’ (*баба*), ‘старая женщина’, ‘повивальная бабка’ (*бабка, бабушка*), ‘воспитатель’, ‘немолодой мужчина’ (*дядька*), ‘старик’ (*дед, дедок*), фамильярное обращение к мужчинам (*батюшка*), фамильярное обращение к женщинам (*матушка*, ср. обращение Фамусова к дочери: «Ах, матушка, не довершай удара» в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума») и т. д. Появление у термина родства смежных значений может создавать неоднозначность высказывания в целом, а при наличии у смежных значений негативных семантических компонентов – может придавать термину родства нежелательные коннотации. Эти факторы могут в некоторых случаях побуждать говорящих избегать конкретных терминов, заменять их синонимами. Все это делает процесс конкуренции между разными обозначениями одной и той же позиции родства очень сложным, динамичным и нелинейным. Периодически тот или другой синоним побеждает в конкуренции и становится наиболее нейтральным обозначением соответствующей позиции родства.

Помимо терминов родства, похожим образом совместно эволюционировал целый однокоренной ряд *дева, девка, девица, девушка*, включающий несколько диминутивов, утративших диминутивность. *Дева* конкурировало с тремя диминутивами, которые последовательно захватывали позицию нейтрального обозначения. У застывшего диминутива *девка* развились пренебрежительные коннотации и нежелательные значения ‘дворовая девка’ и ‘проститутка’, у застывшего диминутива *девица* развились иронические и неодобрительные коннотации:

¹⁸ История о российском матросе Василии Кориотском... (цит. по: Словарь XVIII в. 1984–2011).

«Так что разнообразные **девицы** семью там, видимо, регулярно разрушали»¹⁹.

В настоящее время значение 'молодая незамужняя женщина' нейтрально выражается исходно ласкательным диминутивом *девушка*, полностью утратившим диминутивность и экспрессивную окраску. Недавняя утрата семантического компонента «незамужняя» у значения лексемы *девушка* имеет экстралингвистические причины (брачный статус перестал быть важной характеристикой женщины) и не связана с обсуждаемой темой конкуренции диминутивов и обычных коррелятов.

Классификация диминутивов со значением лица, утративших диминутивность

Всего было выявлено 32 диминутива со значением лица, утративших диминутивность, относящихся к разным стилистическим пластам. По большей части это литературная лексика, включая единицы нейтральные (напр., *новичок*, *дедушка*), разговорные (напр., *жиличка*), экспрессивные (напр., *очкарик*). К жаргонным единицам относится *бухарик*, см. (Елистратов 2002).

Часть этих единиц полностью вытеснила обычные корреляты (например, *внучка*, *тезка*). Часть обычных коррелятов стала архаизмами с возвышенными и/или ироническими коннотациями (например, *дева*). Некоторые пары продолжают конкурировать (например, *дед* – *дедушка*), но при этом диминутивы уже утратили экспрессивность полностью или частично и употребляются сопоставимо часто (например, *дочь* – *дочка*, *старуха* – *старушка*) и пр.

С точки зрения семантики, эта лексика группируется в 4 лексико-семантических группы: «Женщины» (18 лексем: *бабушка*, *девочка*, *золовка* и пр.), «Термины родства» (12 лексем: *бабушка*, *внучка*, *золовка* и пр.), «Лица с низким статусом» (14 лексем: *новичок*, *замарашка*, *мужик* и пр.), «Дети» (6 лексем: *внучка*, *девочка*, *мальчик* и пр.), см. таблицу «ЛСГ застывших диминутивов со значением лица». Группы являются пересекающимися, так как одна и та же лексема может совмещать семантику родства, женского пола и ребенка (например, *внучка*).

Кроме того, интересной задачей является реконструкция утраченного оттенка экспрессивности, то есть словообразовательного значения конкретного слова.

¹⁹ Ты мне веришь или нет? (Коммерсант, 2020.09), найдено по НКРЯ.

Безударный суффикс *-ушк(а)* является чисто ласкательным (Шейдаева), (Фуфаева), соответственно, дериваты с таким суффиксом (напр., *дедушка, девушка, бабушка, тетушка*) исходно могли выражать только ласкательность. При этом ласкательность при обращении с помощью таких диминутивов к родственникам, представителям старших поколений могла быть и этикетной. Известно об обязательности этикетной ласкательности в обращениях к родственникам в частной переписке XVII–XVIII вв., т. е. эти дериваты могли быть средствами вежливости, «учтивости». Можно предположить исходную этикетную ласкательность и в деривате *золовка* ввиду его семантики, хотя он и образован по другой модели.

Для обозначений детей (напр., *внучка, девочка, мальчик*), образованных с универсальными диминутивными суффиксами *-к(а), -ик* можно предположить исходную ласкательность ввиду их семантики, ср. «живые» диминутивы с той же семантикой: *детка, деточка, крошка, детишки* и пр.

Ряд застывших диминутивов со значением лица обозначает людей, находящихся в том или ином отношении «ниже нормы», имеющих физическую или социальную особенность, которую можно интерпретировать как недостаток, уязвимость и пр.: *новичок, очкарик, замарашка* и пр. В их исходном словообразовательном значении можно предположить снисходительность, смягчающую пренебрежительность производящего слова. Часть таких диминутивов образованы от пренебрежительных экспрессивных дериватов: *замарашка – замараха, очкарик – очкарь* и пр. Это подтверждается «живыми» парами «пренебрежительный экспрессив – диминутив»: *потаскуха – потаскушка, пьянчуга – пьянчужка, злока – злочка*. Второй компонент выражает то же лексическое значение и коннотацию, что и производящее слово, но менее грубо, с оттенком снисходительности. Часть таких диминутивов оттеснила экспрессивы, от которых была образована. Например, *болтушка* сейчас употребляется чаще коррелята *болтунья*: в основном подкорпусе НКРЯ в текстах, созданных с 2000 г., 64 и 12 вхождений соответственно, т. е. диминутив впятеро частотнее. Другие диминутивы от экспрессивов, например *побирушка, замарашка*, полностью вытеснили свои корреляты. При этом все диминутивы со значением лица, образованные от экспрессивов, не утратили экспрессии, так как она обусловлена самим лексическим значением слов: производящая основа продолжает выражать эмоциональную оценку.

Обозначения женщин включают адаптированные французские заимствования *блондинка, брюнетка, кокетка*. Судя по Словарю русского языка XVII в., они появились несколько позднее, чем варианты без суффикса *-к(а)*: *блондина, брюнета, кокета*. Поэтому

суффикс *-к(а)* в них можно интерпретировать как не только служащий целям адаптации заимствования, но и экспрессивный. Эти лексемы могли быть элементами непринужденной шутливой речи, ср. современные *няшка*, *фитоняшка*.

Заключение

Среди русских номинаций человека есть образования, исходно бывшие экспрессивными диминутивами, служившими субъективно-оценочными синонимами (в основном ласкательными) по отношению к однокоренным лексемам, выразившим то же значение и являвшимся доминантами соответствующих синонимических рядов. В результате конкуренции с обычным коррелятом они вытеснили его и сами стали доминантами соответствующих рядов, утратив диминутивный оттенок экспрессивности. При этом часть вытесненных коррелятов сохранилась в языке и продолжает конкурировать: *дед* – *дедушка*. Данное явление характерно для номинаций женщин; лиц, находящихся по своему социальному статусу, физическим или поведенческим особенностям «ниже нормы»; терминов родства; номинаций детей.

Словник застывших диминутивов со значением лица

Сокращения: жарг. – жаргонное, нейтр. – нейтральное, пер. – перевод, суф. – суффикс, уст. – устаревшее, черед. – чередование, осн. и газ. – основной и газетный (подкорпуса НКРЯ).

Если датировка дается без указания источника: «впервые в 1658», «впервые в XVII в», она соответствует наиболее раннему примеру в Словаре XI–XVII вв.

1. **Бабушка**, впервые в 1658 г. С суф. *-ушк(а)* безударным от **баба** ‘мать родителя’, уст., последний раз в письм. текстах в 1718 согл. (Словарь XVIII в. 1984–2011), сейчас в этом знач. только в детской речи.
2. **Батюшка**, уст. как нейтр. синоним слова *отец*, впервые в 1619 г. С суф. *-шк(а)* безударным от **батя** ‘отец’, в Словаре Академии Российской 1789–1794 гг. с пометой «простонародное», в отличие от *батюшка* (САР 1789–1794).
3. **Блондинка**, впервые в 1803 г. С суф. *-к(а)* от **блондина** из фр. *blondine*, впервые в 1768 г. Обе датировки согласно (Словарь XVIII в. 1984–2011).

4. **Болтушка**, впервые в конце XVIII в. в трагедии Н.П. Осипова «Виргилиева Енейда, вывороченная на изнанку»²⁰. С суф. -к(а) и черед. н/ш от **болтуня**, впервые по НКРЯ в комедии А.П. Сумарокова «Приданое обманом» (1769).
5. **Брюнетка**, впервые в 1770 г. С суф. -к(а) от **брюнета** из фр. *brunette*²¹, впервые в 1761 г. Обе датировки согласно (Словарь XVIII в. 1984–2011).
6. **Бухáрик**, жарг. ‘пьяница’ (Елистратов 2005). В НКРЯ 37 вхождений. С суф. -ик от **бухарь** (от *бухать* ‘пить’), в НКРЯ 4 вхождения. Оба слова впервые в 1972 г. в словаре советского тюремного жаргона, изданном в США (Galler, Marquess 1972).
7. **Внучка**, впервые в XVII в. С суф. -к(а) от др.-рус. **внука**. В Малом академическом словаре внука «устар. То же, что внучка» (Евгеньева 1999).
8. **Грудничок** ‘грудной младенец’, в НКРЯ с 1991 г., с суф. -ик от **грудник**, в НКРЯ с 1971 г. В словаре Ожегова–Шведовой **грудничок** «то же, что грудник», без помет, **грудник** «грудной младенец» (Ожегов, Шведова 2006). В НКРЯ в текстах, начиная с 2006 г., лексема **грудник** отсутствует, **грудничок** встречается 312 раз, т. е. обычный коррелят вытеснен диминутивом.
9. **Девочка** ‘подросток, ребенок женского пола’, впервые в XV в. С суф. -к(а) от **девка** в том же знач., напр., в «Домострое» по списку ОИДР (XVI в.): «Малых дѣвок учити, которая чего пригожа» (цит. по: Словарь XI–XVII вв.). В этом знач. конкурировало также с **девушка**, ср. в «Домашнем лечебнике Бухана» (конец XVIII в.)²²: «Что касается до малолѣтных дѣвушек, то их одѣяние совершенно должно быть такое же, какое у мальчиков в течение первых двух лѣт» (цит. по: Словарь XVIII в. 1984–2011).
10. **Девуца**, ‘молодая незамужняя женщина’, уст. как нейтр., общеславянский диминутив. С суф. -иц(а) от **дева**.
11. **Девка**, ‘молодая незамужняя женщина’, уст. как нейтр., напр., в «Слове о полку Игореве»: «Помчаша красныя дѣвки половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драги оксамиты» (цит. по: Словарь XI–XVII вв.). Общеславянский диминутив. С суф. -к(а) от **дева**.

²⁰ Осипов Н.П. Виргилиева Енейда, вывороченная на изнанку. СПб., 1791–1796. Ч. 2.

²¹ «Брюнета 1761, ж. Фр. *brunette*. Молодая брюнета <примеч.: Брюнета, женщина имеющая темныя волосы> рѣчи его разумѣла» (Пажон А. История о принце Солии... / Пер. с франц. яз., 1761).

²² Бьюкен У. Полный и всеобщий домашний лечебник. Творение г. Бухана. М., 1790–1792.

12. *Девушка* ‘молодая незамужняя женщина’, впервые в письм. текстах в середине XVIII в., при этом в словаре русского языка XVIII в. имеет помету «Простонар. → Прост.» (Словарь XVIII в. 1984–2011), чему противоречит, напр., контекст из воспоминаний Натальи Долгорукой (1767): «И так меня <мать> содержала, как должно благородной девушке быть»²³. С суф. *-ушк(а)* безударным от *дева*.
13. *Дедушка*, впервые в 1689 г. В словаре Ожегова–Шведовой (2006) не имеет отдельной статьи, включено в статью «Дед» с пометой «ласк» (Ожегов, Шведова 2006). Это противоречит употреблению диминутива как нейтрального термина родства во всех стилях СРЯ, в том числе в юридическом. С суф. *-ушк(а)* безударным от *дед*.
14. *Дурачок*, уст. в нейтр. знач. «слабоумный, помешанный», напр., «Этот **дурачок** ничего не уносит, где днюет или ночует, как бы что плохо ни лежало»²⁴. В НКРЯ с первой четверти XIX в. С суф. *-ок* от *дурак*, уст. в нейтр. знач. «слабоумный, помешанный» (впервые в XVII в.).
15. *Дядюшка* ‘брат родителя’, впервые в XVI в. уст. как нейтр., напр. в архиве кн. А.Б. Куракина (1752–1818): «Вчера мы своей семьей, разумеется: **матушка, дядюшка... и я, ѣздили в Царицыно гулять**»²⁵ (цит. по: Словарь XVIII в. 1984–2011). С суф. *-ушк(а)* безударным от *дядя*.
16. *Жиличка*, впервые в 1842 г. по НКРЯ. В 1847 г. в Словаре церковно-славянского и русского языка Имп. Академии наук толкуется как «уменьшительное слова *жилица*» (Словарь Имп. АН 1847). С суф. *-к(а)* от устаревшего *жилица* (с пометой «устар.» в (Евгеньева 1999)).
17. *Замарашка*, впервые в 1790 г. согласно (Словарь XVIII в. 1984–2011). С суф. *-к(а)* от *замараха*, в САР ч. 3 (1792) «Человѣк неопрятный, не наблюдающий около себя чистоты» (САР 1789–1794).
18. *Замухрышка*, впервые в 1858 г. по НКРЯ. В Этимологическом словаре Шанского–Бобровой «суф. производное от *замухрыга* – тж.» (Шанский, Боброва 1994).

²³ Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери г. фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева. [1767]. СПб., 1913. С. 13.

²⁴ О.М. Сомов. Юродивый (1827), по НКРЯ.

²⁵ Архив кн. Ф.А. Куракина. [1661–1727]. Изд. под ред. М.И. Семевского. СПб., 1890–1902, кн. 10.

19. **Золовка**, впервые в 1660 г. В Этимологическом словаре Шанского–Бобровой «уменьшит.-ласкат. (суф. *-ька* > *-ка*) от *зълва* < общеслав. *зълъ, зълъве*» (Шанский, Боброва 1994). В Словаре русских народных говоров (вып. 11) имеется **золова** (записано в 1913–1914 гг.) и **золовь** (записано в 1968 г.) (Словарь говоров 1976).
20. **Кокетка**, впервые в 1753 г. С суф. *-к(а)* от *кокета* из фр. *coquette*. впервые в 1740-е гг. Обе датировки согласно [Словарь XVIII в. 1984–2011].
21. **Матушка**, впервые в 1551 г., уст. как нейтр., см. **дядюшка**, с суф. *-ушк(а)* безударным от *мать*.
22. **Мальчик**, впервые в 1560 г. С суф. *-ик* от *мáлец*, нейтр. в др.-рус. яз., напр. в 1615: «И въ тѣ поры де толмача не было, а вельзь Семенъ толмачить мальцу своему, татарченку, лѣтъ въ десеть» (Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / Под ред. Н.И. Веселовского. СПб., 1898. Т. 3) (цит. по: Словарь XI–XVII вв.).
23. **Мужик**, впервые в 1436 г. С суф. *-ик* от *мужь* «мужчина». См.: «Мужик было первонач. уменьш. от муж. Последнее название объясняется тем, что людей, более низких в правовом отношении, обозначали как несовершеннолетних» (Фасмер 1986).
24. **Новичок**, впервые в 1750–1760-е гг. согласно (Словарь XVIII в. 1984–2011). С суф. *-ек/-ок* от др.-рус. *новѣк*. В Новом лексиконе дается вместе с обычным коррелятом: «*Новик, новичок, ученик*» (Волчков 1764).
25. **Очкарик**, впервые в 1954 г. по НКРЯ. С суф. *-ик* от *очкарь*, появившегося не позднее 1933 г. В НКРЯ *очкарь* последний раз в 1990 г. В словаре Ожегова–Шведовой (2006) и Малом Академическом словаре *очкарь* отсутствует.
26. **Паинька**, впервые по НКРЯ в рассказе М.Е. Салтыкова-Щедрина «Запутанное дело» (1848–1863). С суф. *-иньк(а)* от *пай, пая*, заимствования из фин., эст. в русский язык западных территорий; в Словаре русских народных говоров, вып. 25 «Пай, м. и ж. 1. Милый, любимый; милая, любимая. У пай частая походочка. Пск., 1919–1934» (Словарь говоров 1990). Отсюда же диалектное *паичка* с другим суф. Ср. тж. литературное *пай-мальчик*.
27. **Побирушка**, впервые по НКРЯ в 1859 г. С суф. *-к(а)* от устаревшего *побируха*, последний раз по НКРЯ в 1932 г. В словаре Ушакова «ПОБИРУХА и (чаще) ПОБИРУШКА, побирушки, муж. и жен. (прост.). Нищий, попрошайка» (Ушаков 1935).
28. **Проходимец**, впервые в 1791 г. согласно (Словарь XVIII в. 1984–2011) (из неизданного наследия Болотова). С суф. *-ец*

- от *проходим*, в Словаре Даля «проходень, проходим, -мец, -мка, пришлый человек, пришлец м. пройдоха и т. д.» (Даль 1981–1982]. Ср. *нелюдим*. Суф. *-ец* может быть и субстантивизирующим.
29. *Старушка*, с суф. *-к(а)* от *старуха*, сейчас употребляется в зависимости от стиля сопоставимо или чаще обычного коррелята. В газ. подкорпусе НКРЯ с 2015 г. *старушка* в 1,8 раз частотнее, чем *старуха* (667 и 373 вхождений соответственно), в осн. подкорпусе НКРЯ в аналогичный период *старуха* в 1,1 раз частотнее диминутива (146 и 134 вхождений соответственно).
 30. *Тезка* в Этимологическом словаре Шанского–Бобровой «др.-рус. суф. производное от *теза* «тезка», той же основы, что *тьзъ* «равный, одинаковый» (Шанский, Боброва 1994). С суф. *-к(а)* от др.-рус. *теза*.
 31. *Тетка*, уст. как нейтр. термин родства с суф. *-к(а)* от *тетя*, не употреблявшегося как термин родства на письме в XVIII и первой половине XIX в.
 32. *Тетушка*, уст. как нейтр. термин родства. С суф. *-ушк(а)* безударным от *тетя*, не употреблявшегося как термин родства на письме в XVIII и первой половине XIX в.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта «Политкорректность в русском языке и русской культуре» Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 19-78-10081.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project “Political correctness in the Russian language and Russian culture”, no. 19-78-10081.

Источники

- Волчков 1764 – Новой лексикон на французском, немецком, латинском, и на российском языках переводу асессора Сергея Волчкова. СПб.: При Импер. Академии наук, 1755–1764. 1348 с.
- Даль 1981–1982 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1981–1982 (воспроизведение издания 1880–1882 гг.).

- Елистратов 2005 – *Елистратов В.С.* Толковый словарь русского сленга. М.: АСТ ПРЕСС КНИГА, 2005. 672 с.
- Евгеньева 1999 – Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1: А–Й. 702 с.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 11.04.2022).
- Ожегов 1985 – *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1985. 797 с.
- Ожегов, Шведова 2006 – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка / Российская академия наук; Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Темп, 2006. 944 с.
- САР 1789–1794 – Словарь Академии Российской. Ч. 1–6. СПб.: При Императорской Академии наук, 1789–1794.
- Словарь Имп. АН 1847 – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук: В 4 т. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1847. Т. 1. 416 с.
- Словарь XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii> (дата обращения 11.04.2022).
- Словарь XVIII в. 1984–2011 – Словарь русского языка XVIII в. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Ю.С. Сорокин. Вып. 1–6. Л.: Наука, 1984–1991; Вып. 7–19. СПб.: Наука, 1992–2011.
- Словарь говоров 1976 – Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка. Вып. 11. М.: Наука; Л.: Наука, 1976. 364 с.
- Словарь говоров 1990 – Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка. Вып. 25. М.: Наука; Л.: Наука, 1990. 353 с.
- Ушаков 1935 – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ, 1935. Т. 1. 1562 стб.
- Фасмер 1986 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка = Russisches etymologisches Wörterbuch: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 2. 671 с.
- Шанский, Боброва 1994 – *Шанский Н.М., Боброва Т.А.* Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994. 399 с.
- Galler, Marquess 1972 – Soviet prison camp speech. A survivor's glossary. Suppl. by terms from the works of A.I. Solženicyn / Comp. by M. Galler a. H.E. Marquess. Madison (Wis.): Univ. of Wisconsin press, 1972. 216 p.

Литература

- Барсов 1981 – *Барсов А.А.* Российская грамматика. М.: МГУ, 1981. 776 с.
- Фуфаева 2020 – *Фуфаева И.В.* Метафора малого: русские диминутивы, М.: РГГУ, 2020. 270 с.

References

Barsov, A.A. (1981), *Rossijskaya grammatika* [Russian grammar], Moscow, Russia.

Fufaeva, I.V. (2020), *Metafora malogo: russkie diminutivy* [Metaphor of small. Russian diminutives], RGGU, Moscow, Russia

Информация об авторе

Ирина В. Фуфаева, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; iriel@inbox.ru

Information about the author

Irina V. Fufaeva, Cand. of Sci. (Phylology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; iriel@inbox.ru